

Научная статья
УДК 821.161.1
DOI 10.18101/2686-7095-2024-4-49-55

МИФОПОЭТИКА В ПОВЕСТИ Л. ЮЗЕФОВИЧА «ПОХОД НА БАР-ХОТО»

© Салахова Альбина Олеговна
аспирант,
Саратовский государственный университет
Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, 83
AlyBellamy@mail.ru

Аннотация. В статье анализируется повесть Л. Юзефовича «Поход на Бар-Хото» с целью выявления мифопоэтики в произведении. Используются мифопоэтический и описательный методы исследования. Особое внимание уделено рассмотрению хронотопа, образа главного героя, системы персонажей, а также выявлению некоторых символических и мифологических реминисценций в повести. Пространство Монголии, особенно крепость Бар-Хото, с которой связан центральный эпизод произведения, обозначается автором статьи как пространство смерти и хаоса, а время связывается с циклами, являющимися важной категорией буддийской картины мира. Большое значение отводится образам степных духов и божеств наряду с образами буддийской мифологии. Утверждается, что при помощи неомифологизма Юзефович создает миф об особом пространстве Монголии XX в. Проводится краткий сравнительный анализ с предыдущим романом Л. Юзефовича «Филэллин» и делается вывод о специфике функционирования мифопоэтики в поздней прозе писателя.

Ключевые слова: Л. Юзефович, «Поход на Бар-Хото», «Филэллин», мифопоэтика, неомифологизм, мифопоэтический хронотоп, буддизм, цикличность, миф, история, Монголия.

Для цитирования

Салахова А. О. Мифопоэтика в повести Л. Юзефовича «Поход на Бар-Хото» // Вестник Бурятского государственного университета. Филология. 2024. Вып. 4. С. 49–55.

В XX в. в связи с кризисом естественно-научного знания в культуре и литературе наблюдается повышенный интерес к неомифологизму. В. П. Руднев называет литературу XX в. тотально мифопоэтической [6, с. 237], А. Ф. Лосев, Е. М. Мелетинский, М. Элиаде, В. Н. Топоров, Ю. М. Лотман, К. Леви-Стросс обращаются к изучению мифа и поэтики мифа. В 30-х гг. XX в. создается целая ритуально-мифологическая литературоведческая школа. Два важных направления литературы XX в. — модернизм и постмодернизм — широко используются в неомифологизме, особенно в жанрах романа и повести, однако если для модернизма свойственна ремифологизация романного жанра, то для постмодернизма — демифологизация [2, с. 9]. Впоследствии, на рубеже веков, а затем и в XXI в., интерес к мифу не угасает, а, напротив, увеличивается [2, с. 3]. Именно поэтому мы анализируем повесть Л. Юзефовича «Поход на Бар-Хото» с точки зрения мифопоэтики. О мифопоэтическом коде в прозе Юзефовича написано несколько работ [5; 7], однако проблема неомифологизма до сих пор не попадала в поле зрения литературоведения, а между тем эта повесть довольно примечательна в аспекте мифопоэтики.

Нашей целью является выявление некоторых собственно мифопоэтических пластов в повести Л. Юзефовича при помощи мифопоэтического и описательного методов исследования. Также мы произведем краткий компаративный анализ с предыдущим романом Юзефовича «Филэллин», поскольку два этих произведения видятся нам во многом родственными с точки зрения функционирования мифопоэтики в поздней прозе Юзефовича.

В повести «Поход на Бар-Хото» (2023) Л. Юзефович обращается к излюбленной им монгольской тематике. Повесть разворачивается в двух временных пластах: первый относится к 1914 г., когда главный герой Борис Антонович Солодовников (ранее уже фигурировавший как рассказчик в романе Юзефовича «Князь ветра» [3, с. 341]) становится военным советником в Халхе (в этом же году происходит поход на крепость Бар-Хото), второй — к 1930-м гг., когда Солодовников находится в забайкальской ссылке и пишет свои мемуары.

В отличие от предыдущего романа Л. Юзефовича «Филэллин» (2021) с его множественными субъектами повествования, рассказчик в «Походе на Бар-Хото» — один. Повесть относится к историческому жанру, однако и главный герой — лицо полностью вымышленное, и самого похода на крепость Бар-Хото никогда не было, хотя осада крепости отсылает к осаде монголами китайской крепости Кобдо [1]. При этом повесть подкреплена примечанием «От издателя», в котором изложена история обнаружения мемуаров Солодовникова. «Издатель» повести делает акцент на том, что «реальные исторические фигуры и события соседствуют у Солодовникова с такими, чья достоверность не подтверждается документами и свидетельствами современников, а существующие и поныне географические объекты и целые этносы — с никогда не существовавшими или загадочным образом исчезнувшими» [11, с. 5], а сами мемуары он называет «автобиографической прозой» [11, с. 6], которая допускает вымысел и создает преобразенную реальность. Подобное смешение истории и вымысла позволяет автору сконструировать миф о тогдашней Монголии.

Монголия у Л. Юзефовича — дикая, первобытная страна, населенная духами и демонами. Примечательно, что карта Монголии, висевшая в кабинете у Солодовникова, пестрит «белыми пятнами» [11, с. 75], а местность близ крепости Бар-Хото называется «почти сплошь белым пятном» [11, с. 95] — для главного героя это пространство чужое, неизвестное, иное. Персонажи повести отвечают дихотомии «свой — чужой» (кроме разве что Дамдина, который представляет собой синтез восточной и западной культур), и для Солодовникова, испытывающего к Монголии симпатию, но все же чужеземца, ее пространства кажутся дикими и неосвоенными — неупорядоченными («Подо мной лежала столица Монголии с ее хаотичным скоплением китайских фанз, юрт, бурятских зимников, русских изб и редких домов западного типа» [11, с. 33]). Пространство повести несет в себе отпечаток хаотического, даже смертельного начала. Даже образы животных, населяющих этот мир, маркируются как олицетворяющие смерть. Так, кони являются атрибутами бога войны Чжамсарана [11, с. 51], а собаки, рыскающие повсюду в Урге, поедают мертвецов и символизируют собой хаос, войны, эпидемии и катастрофы [11, с. 43]. Столь же своеобразным является восприятие монголами времени. Тогдашние монголы, избрав в 1911 г. нового владыку Богдо-гэгэна, или «Многими Возведенного», обнулили привычную систему летоисчисления и начали отсчет

времени с Эры Многими Возведенного — таким образом, 1914 у них датируется как 3-й год, как если бы мир был только что сотворен. Это мир, в котором «походы Чингисхана и Хубилая закончились не далее как вчера» [11, с. 104], то есть границы между прошлым и настоящим размыты, и в этом мире считается вполне возможным управлять временем и вычитать «неблагоприятные дни» из календаря.

На наш взгляд, подобное время и пространство художественного произведения позволяют говорить о мифопоэтическом хронотопе.

В соответствии с мифопоэтическим хронотопом, чем больше герой удаляется от привычного ему мира, центра пространства (в данном случае это Урга, хотя и ее нельзя назвать абсолютным космосом), тем менее упорядоченным оно становится [10, с. 233]. Удаляясь от центра, Солодовников оказывается в чуждом ему мире степи, он подчеркивает заброшенность и пустоту этих мест: Солодовников сравнивает себя со сказочным героем, который «на пути к пещере дракона встречает безлюдные мертвые селения, сожженные огнем из его пасти» [11, с. 91]. Степь — это одновременно пространство смерти и свободы, семантически маркированное пространство, населенное степными духами и дакинями, которые диктуют правила перемещения по принадлежащему им пространству, например, требуют подношений [11, с. 88]. Однако прежде всего этот чуждый, иной мир — пространство смерти. Не зря равнина перед крепостью Бар-Хото — конечная точка путешествия героя — называется «преддверием царства мертвых» [11, с. 100]. Прежде чем попасть в окрестности Бар-Хото, герой вынужден перейти через реку, поскольку реки традиционно являются рубежом, отделяющим мир живых от иного мира [8, с. 74]. При этом окрестности близ самого Бар-Хото представляются практически райским местом, травяным оазисом посреди голой степи [Там же]. Примечательно, что сам Солодовников осознает причастность этого экзотического мира к царству мертвых. Он отмечает, что в Монголии «ходил рядом со смертью» [11, с. 41], но при этом никогда больше не чувствовал себя настолько живым. Возможно, дело в восприятии этого как будто вчера сотворенного мира в сравнении с пресыщенной западной цивилизацией, но, на наш взгляд, немалое значение в данном случае имеет восточное циклическое мировоззрение.

Заметим, что большую роль в мифопоэтическом хронотопе занимает категория цикличности. С. М. Толстая отмечает, что мифопоэтический хронотоп цикличен [9, с. 8]. Это не противоречит буддийскому миропониманию [4, с. 4], которое мы видим у героев повести. Даже смерть у монголов «не есть что-то окончательное и бесповоротное» [11, с. 239], а лишь преддверие новой жизни и нового цикла. Яркое воплощение этой цикличности можно обнаружить в образе статуи безногого Будды из Эрдени Дзу: «Если его мучили фантомные боли в отрубленных Абатайханом конечностях, страдания прекратились; он возвратился в облике бронзовых подшипников, втулок и стержней, устойчивых к воздействию агрессивных сред вроде морской воды или дверных ручек и люстр московского метро. Множественность обличий — залог его покоя и безмятежной радости» [11, с. 160–161]. Сама форма произведения, состоящего из двух тетрадей с мемуарами Солодовникова, подчеркивает эту концепцию цикличности всего живого: «Новая тетрадь — это новая жизнь» [11, с. 161].

При этом буддизм, который является официальной религией Халхи, у монголов представляет собой смесь буддийских и исконно монгольских добуддийских верований, смешанных с магическими культами, вроде веры в дакинью, злых духов в облике прекрасных дев или Чжамсарана, который изначально был степным божеством. В «Филэллине» образы греческих богов претерпели в народном сознании метаморфозы, и на первый план вышел бог-лодочник Харон и синкретическое греко-азиатское божество Серапис (мы видим умаление классического божественного пантеона [7, с. 190]), в «Походе на Бар-Хото» же наблюдается причудливый синтез буддизма и политеизма. Языческие, довольно жестокие, подчас кровавые верования вступают в противоречие с религией милосердия («В милосердном учении Будды с его директивой щадить все живое имелся, оказывается, свой подвальный этаж, куда нет входа наивным адептам желтой религии» [11, с. 98]), зато они оказываются весьма полезны для национального движения Внешней Монголии. Так, китайские офицеры сравниваются официальной властью с мангысами, злыми демонами, и, таким образом, рядовой монгольский цырик — воин-наездник — борется не просто за национальную свободу, но в какой-то мере противостоит силам зла.

В этой связи отметим, что каждому из ключевых персонажей повести присуще собственное божество. У Зундуй-гелуна, колдуна и прорицателя, это Чжамсаран, бог войны; интересно, что у обоих есть особая примета в облике — веки без ресниц, отчего глаза кажутся «выпученными» [11, с. 66, 118]. У Солодовникова — Белая Тара, видящая страдания всех земных существ, у журналиста Гиршовича — Маньчжушри, покровитель просвещения с мечом в руках, у идеалиста Дамдина — Будда Шакьямуни. Весь этот пантеон из божеств и духов как бы делит мир повести на две параллельные реальности. Подобную «раздвоенность» мы уже наблюдали в романе «Филэллин», хотя в нем эта категория воплощалась в соотношении истории и мифа. В «Походе на Бар-Хото» раздвоенность выражается, скорее, в разделении между миром вещественным и миром духовным, призрачным. Причем границы двух миров подчас размываются настолько, что один «проникает» в другой, например, в сцене во время атаки крепости, когда Зундуй-гелун призывает на сторону монголов Чжамсарана («Стараниями Зундуй-гелуна она [победа. — А. С.] уже была достигнута в мире менее призрачном, чем этот; оставалось скопировать то, что свершилось там» [11, с. 197]) или в эпизоде с картиной, на которой Солодовников видит погибшего Дамдина, занявшего свое место среди легендарных фигур вроде Чингисхана и Абатай-хана [11, с. 281].

В целом между «Филэллином» и «Походом на Бар-Хото» можно обнаружить немало перекличек. В обоих случаях мы имеем дело, если воспользоваться термином Г. Ребель, с историко-мифологическим жанром [5, с. 620], в котором исторический фундамент произведения поднимается до символического обобщения мифа (например, сопоставимы апокалиптическая сцена видения Александром II Греции и видение Солодовниковым Чжамсарана верхом на горе, увенчанной трупами коня и человека). Некоторые мотивы, темы и образы, к которым обращается Л. Юзефович в «Филэллине», находят свое место в «Походе на Бар-Хото»: это и раздвоенность художественного мира, и ряд образов (к примеру, звездное небо как источник ледяной пустоты, грозных и таинственных сил, неподвластных маленькому человеку [11, с. 248; 12. с. 178]), и характеристика главных героев. Конечно,

между интеллигентом начала XX в. Солодовниковым и эпическим Мосцепановым лежит значительная пропасть, однако есть между ними и нечто общее: это невозможность причинения зла другому живому существу. Оба героя стремятся достичь высшего идеала. Именно идеализм не позволил Мосцепанову убить Ибрагим-пашу, для Солодовникова же это качество воплощается в неприятии войны («Все лучше, чем война» [11, с. 107] — говорит он). Не зря Солодовников видит воплощение войны в образе дакини — спереди прекрасной женщины (парадная сторона войны), а сзади безобразного трупа (будничная сторона войны). Кроме того, и Мосцепанов, и Солодовников воплощают в себе мифологический мотив пути, преодоления героем чуждого, хаотического пространства. В этой связи мы убеждены в сопоставимости Мосцепанова с Одиссеем [7, с. 191], и подобную мифологическую аллюзию можно также найти в образе Солодовникова. Например, сцена, в которой он переживает дождь под брюхом коня [11, с. 97], явно напоминает хитрость, придуманную Одиссеем в пещере Полифема; кроме того, сам Солодовников сравнивает себя с Одиссеем, спустившимся в царство мертвых [11, с. 9]. Отчасти образ Солодовникова вбирает в себя черты француза Фабье: как и Фабье, он чужак, оказавшийся в гуще конфликта двух враждующих этносов.

Само центральное событие «Похода на Бар-Хото» напоминает осаду Акрополя (Солодовников подчеркивает, что поход имел черты гражданской войны [11, с. 104]), да и два этноса — греки и монголы — представляются при всех различиях довольно похожими. Как и греки Мосцепанову, монголы видятся Солодовникову далекими от идеала, который он искал в этой восточной стране: они ленивы, недисциплинированы, неторопливы, живут в легендарном прошлом. При этом Солодовников отдает монголам должное: благодаря данным качествам западная суeta не коснулась этого мира, и монголы способны на то, чтобы смотреть вглубь вещей.

Осада крепости Бар-Хото в повести Л. Юзефовича, как и осада Акрополя, приобретает черты эпоса, и даже силы природы предстают практически одушевленными. Ночь, в которую происходит атака, является «безлунной и беззвездной» [11, с. 173], краски приобретают «гнилушечное зеленоватое свечение» [11, с. 176], верблюды, чуя скорую смерть, издают жалобные звуки [11, с. 177]. Интересно, что эпизод с атакой был, по сути, «предсказан» Солодовниковым в письме, которое он пишет Ангелине Серовой перед штурмом. Письмо представляет собой строчки из песни тульчи (бригадного певца), которая неожиданно вспоминается героем «Когда пламя заката заливают степь, / Когда первая звезда зовет путника домой, / когда бледная луна окрашивается кровью, / когда все вокруг покрывает тьма» [11, с. 142–143]. Это отсылает читателя к описанию вечера, предшествующего атаке: «солнце у него за спиной почти коснулось горизонта, рассеянный закатный свет погружал его лицо в тень» [11, с. 171], «я увидел над собой истончившийся лунный обод» [11, с. 173], «стала наплывать облачная гряда, обещающая ночь не только безлунную, но и беззвездную» [Там же]. К этому же ряду можно отнести красную хоругвь Зундуй-гелуна, олицетворяющую кровь и огонь [11, с. 179]. Народная песня тульчи во многом предвосхищает будущую атаку, и это не случайно. Для монголов предсказания, пророчества и гадания имеют такую огромную ценность, что даже время походов рассчитывается исходя из знаков. Предсказания и гадания для монголов являются вестниками иного мира.

Примечательно, что даже финалы выделенных нами романа и повести Л. Юзефовича имеют немало общего. В «Филэллине» автор приводит картины природной гармонии, в которой видится обещание весеннего возрождения [12, с. 381]. В финальных абзацах «Похода на Бар-Хото» дается описание реки Селенги, которую Солодовников называет «лунной рекой» [11, с. 285], — луна наряду с солнцем является одним из главных образов монгольского сознания, кроме того, главному герою вспоминается греческая богиня Селена, чье имя созвучно названию реки. Эта лунная река «течет с юга, из Монголии. Там в нее впадает Орхон, а он принимает в себя Толю. <...> Там, на юге, лежит бедная, пустынная, дикая, забытая Богом, прекраснейшая в мире страна моей молодости. Там осталось мое сердце, но я не могу объяснить, почему не пытаюсь вернуть его обратно, почему даже Зундуйгелун не заставил меня подыскать для него более комфортабельное место хранения» [11, с. 285–286]. Видение, которое предстает перед героем «Похода на Бар-Хото», гораздо более пессимистично, чем в «Филэллине»: «Скоро зима. Вчера выпал первый снег; значит, через месяц ляжет и уже не растает» [11, с. 286]. Вместо весеннего пробуждения здесь — констатация прихода зимы и снежного безмолвия. Зима — это смерть природы, но в монгольской картине мира смерть — не конец, а новое начало. К тому же в этой картине всеобщего безмолвия видится обещание покоя, которое, кажется, нужно Солодовникову больше всего. Это обещание покоя предстает и в последнем изображении Дамдина на картине — в руке он держит не меч, а лотос — знак «покоя и совершенной радости» [11, с. 281], а половинки его лица становятся абсолютно симметричны, символизируя собой достижение гармонии, которая столь высоко ценится на Востоке.

Таким образом, мифопоэтика в «Походе на Бар-Хото» проявляется на всех уровнях повести — на уровне формы, содержания, хронотопа, системы героев, в аллюзиях и реминисценциях. Все это позволяет говорить о присутствии авторского мифа, в котором миф и история, Восток и Запад, народные предания и легенды сосуществуют в пространстве художественного мира повести. В творчестве Юзефовича мифопоэтика проявляется как особое соотношение и взаимопроникновение мифа и истории, что позволяет говорить об историко-мифологическом характере его произведений. Подобное включение неомифологизма в ткань произведения представляется нам тенденцией, связанной с возрастающей ролью мифа в современной отечественной литературе.

Литература

1. Башмакова М. «Книга еще никого ни от чего не спасла». Леонид Юзефович о своей новой книге «Поход на Бар-Хото». 30 сентября 2023 г. URL: https://www.kommer-sant.ru/doc/6250722?from=doc_vrez (дата обращения: 30.08.2024). Текст: электронный.
2. Войводич Я. Неомифологизм в актуальной русской прозе: монография. Москва: Флинта, 2021. 240 с. Текст: непосредственный.
3. Дубаков Л. В. Образы буддийских иерархий в романе Л. А. Юзефовича «Поход на Бар-Хото» // Известия Саратовского университета. Новая серия. Сер. Филология. Журналистика. 2024. Т. 24, № 3. С. 340–345. Текст: непосредственный.
4. Здерова О. В. О природе циклического времени в восточной культурфилософской парадигме // Аналитика культурологии. 2007. № 8. С. 1–7. Текст: непосредственный.
5. Ребель Г. М. Очарованный странник Леонида Юзефовича // Вестник Удмуртского университета. Сер. История и филология. 2021. Т. 31, № 3. С. 620–627. Текст: непосредственный.

6. Руднев В. П. Словарь культуры XX века. Москва: Аграф, 1999. 384 с. Текст: непосредственный.

7. Салахова А. О. История и миф в романе Леонида Юзефовича «Филэллин» // Филология и культура. 2024. № 2 (76). С. 188–192. Текст: непосредственный.

8. Сычева О. И. Пространственный аспект характеристики топохрона в мифологической картине мира // Вестник Бурятского государственного университета. Филология. 2023. № 4. С. 73–77. Текст: непосредственный.

9. Толстая С. М. Пространство и время в этнолингвистической перспективе (вместо предисловия) // Пространство и время в языке культуры / ответственный редактор С. М. Толстая. Москва: Индрик, 2011. С. 7–12. Текст: непосредственный.

10. Топоров В. Н. Пространство и текст // Текст: семантика и структура / ответственный редактор Т. В. Цивьян. Москва: Наука, 1983. С. 227–284. Текст: непосредственный.

11. Юзефович Л. А. Поход на Бар-Хото. Москва: Редакция Елены Шубиной, 2023. 285 с. Текст: непосредственный.

12. Юзефович Л. А. Филэллин. Роман в дневниках, письмах и мысленных разговорах героев с отсутствующими собеседниками. Москва: Редакция Елены Шубиной, 2021. 380 с. Текст: непосредственный.

Статья поступила в редакцию 10.10.2024; одобрена после рецензирования 05.11.2024; принята к публикации 03.12.2024.

MYTHOPOETICS IN L. YUZEFOVICH'S NOVELLA “THE EXPEDITION TO BAR-KHOTO”

Albina O. Salakhova
Research Assistant,
Saratov State University
83 Astrakhanskaya St., 410012 Saratov, Russia
AlyBellamy@mail.ru

Abstract. The article analyzes L. Yuzefovich's novella “The Expedition to Bar-Khoto” to uncover the mythopoetic elements in the work. Mythopoetic and descriptive research methods are employed. Special attention is given to the chronotope, the protagonist's image, the character system, and the identification of symbolic and mythological reminiscences in the novella. The space of Mongolia, particularly the fortress of Bar-Khoto, which is central to the narrative, is interpreted as a space of death and chaos, while time is associated with cycles, an essential category in the Buddhist worldview. Significant emphasis is placed on the depiction of steppe spirits and deities alongside Buddhist mythological imagery. The article asserts that through neomythologism, Yuzefovich creates a myth about the unique space of 20th-century Mongolia. The article also provides a brief comparative analysis with Yuzefovich's earlier novel, “The Philhellene”, and concludes by highlighting the distinctive characteristics of mythopoetics in the writer's later prose.

Keywords: L. Yuzefovich, “The Expedition to Bar-Khoto”, “The Philhellene”, mythopoetics, neomythologism, mythopoetic chronotope, Buddhism, cyclicity, myth, history, Mongolia.

For citation

Salakhova A. O. Mythopoetics in L. Yuzefovich's Novella “The Expedition to Bar-Khoto”. *Bulletin of Buryat State University. Philology.* 2024; 4: 49–55 (in Russ.).

The article was submitted 10.10.2024; approved after reviewing 05.11.2024; accepted for publication 03.12.2024.